

Демографический фактор в ментальных войнах

М. В. Карманов¹, И. А. Киселева^{1,2}, В. И. Кузнецов¹, А. М. Трамова^{✉1,2}

¹Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова
115054, Россия, Москва, Стремянный переулок, 36

²Университет «Синергия»
129090, Россия, Москва, ул. Мещанская, 9/14, стр. 1

Аннотация. Статья посвящена актуальным проблемам оценки роли демографического фактора в ментальных войнах, которые ориентированы на сознательное, постепенное и целенаправленное формирование новых смыслов бытия. Авторы обращают внимание на приемы и способы популяризации и навязывания новых негативных демографических установок, принципов и правил демографического поведения (чайлдфри, смена пола, разрушение устоев традиционной семьи, изменение родительских статусов и ролей, миграционная экспансия). **Цели.** Рассмотрены вопросы ментальных войн и определено место демографического фактора в их ведении. **Методология.** Применяются методы теоретического исследования в форме обобщения, сравнения и специальных аналитических процедур. Уточнена сущность ментальных войн, выявлены направления их ведения, определено место демографического фактора, даны рекомендации по формированию правовой базы. **Область применения полученных результатов.** Материал может быть полезен при разработке демографической политики, подготовке правовой базы, чтении лекций по демографии и демографической статистике. **Результаты.** В статье приводится обзор литературы, посвященной вопросам демографического фактора в ментальных войнах. Отмечается, что активное и целенаправленное распространение демографических установок, ориентированных на изменение исторически сложившихся культурных и семейных ценностей потенциального противника, можно рассматривать как составной элемент ментальных войн. **Выводы.** Проблемы оценки демографического фактора в ментальных войнах в современном мире приобретают особую актуальность, так как у молодежи наблюдаются формирование негативных стандартов, влияющих на снижение рождаемости, а также миграционная экспансия.

Ключевые слова: миграция, миграционная экспансия, демографический фактор, ментальные войны

Поступила 23.04.2025, одобрена после рецензирования 21.05.2025, принята к публикации 03.06.2025

Для цитирования. Карманов М. В., Киселева И. А., Кузнецов В. И., Трамова А. М. Демографический фактор в ментальных войнах // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2025. Т. 27. № 3. С. 170–178. DOI: 10.35330/1991-6639-2025-27-3-170-178

JEL: C 43; C 82; J 61; R 23

Original article

The demographic factor in mental warfare

M.V. Karmanov¹, I.A. Kiseleva^{1,2}, V.I. Kuznetsov¹, A.M. Tramova^{✉1,2}

¹Plekhanov Russian University of Economics
115054, Russia, Moscow, 36 Stremyanny lane

²Synergy University
129090, Russia, Moscow, 9/14, building 1, Meshchanskaya street

Abstract. The article focuses on the current issues surrounding the assessment of the role of the demographic factor in mental warfare, which is centered on the conscious, gradual and deliberate creation of new life meanings. The authors draw attention to the techniques and methods used to popularise and enforce new negative demographic attitudes, principles and rules of behaviour (e.g. childlessness, gender reassignment, the breakdown of traditional family structures, changes in parental statuses and roles, and increased migration). **Purposes.** The issues of mental warfare are considered, as is the role of the demographic factor in its conduct. **Methodology.** Theoretical research methods are employed through generalisation, comparison, and specific analytical procedures. The nature of mental warfare has been clarified, its methods have been identified, and the role of the demographic factor has been established. Recommendations on establishing a legal framework are provided. **The scope of the results obtained.** This material could be useful for developing demographic policy, preparing a legal framework and delivering lectures on demography and demographic statistics. **Results.** The article provides a review of literature on demographic factors in mental warfare. It should be noted that the active and deliberate dissemination of demographic attitudes intended to alter the long-standing cultural and family values of a potential adversary can be considered an essential component of psychological warfare. **Conclusions.** The issue of assessing the demographic factor in modern-day mental warfare is becoming increasingly relevant, as negative attitudes among young people are leading to a decrease in the birth rate and an increase in migration.

Keywords: migration, migration expansion, demographic factor, mental wars

Submitted 23.04.2025,

approved after reviewing 21.05.2025,

accepted for publication 03.06.2025

For citation. Karmanov M.V., Kiseleva I.A., Kuznetsov V.I., Tramova A.M. The demographic factor in mental warfare. *News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS*. 2025. Vol. 27. No. 3. Pp. 170–178. DOI: 10.35330/1991-6639-2025-27-3-170-178

Современный этап развития общества предполагает самое широкое практическое использование разнообразных элементов гибридных войн, которые отличаются тем, что охватывают все без исключения сферы человеческой жизнедеятельности (политику, экономику, идеологию, культуру, науку, спорт и т.д.) [1].

В составе гибридных войн огромное внимание уделяется так называемым ментальным войнам, ориентированным на сознательное, постепенное и целенаправленное формирование новых смыслов бытия, которые сперва размывают, а затем и подменяют исторические скрепы потенциального или фактического противника (обычаи, нравы, традиции, ценности, мировоззрение и т.д.) [2].

Ментальные войны располагают своим собственным и весьма обширным арсеналом достижения поставленных целей, в багаже которого среди прочих компонентов присутствует демографическое оружие, включающее приемы и способы популяризации и тотального навязывания новых демографических установок, принципов и правил демографического поведения [3]. С нашей точки зрения, среди них, несомненно, присутствуют следующие элементы:

- чайлдфри;
- свободная смена пола, включая «позитивный» образ трансгендеров и гендерной толерантности;
- разрушение имиджа и устоев традиционной семьи;
- нивелирование с последующим полным демонтажем родительских статусов и ролей;
- безграничное половое (гендерное) равенство членов общества;
- всеобъемлющая, трансграничная и активно поощряемая миграционная экспансия;

- формирование и широкое практическое распространение правовой базы для осуществления демографического беспредела.

Прежде чем анализировать каждый из перечисленных выше элементов, требуется сказать, что сколько людей, столько и мнений. Кто-то рассматривает их как разновидности демографического оружия ментальных войн, а кто-то считает проявлением максимально возможной свободы и демократии, призывая к толерантности в самом широком смысле слова [4]. В данной статье мы остановимся на тех аспектах, которые влекут за собой трансформацию мировоззрения и разрушают исторически сложившийся менталитет.

Демографические установки и поведение, формируемые на основе идеологии чайлдфри, сводятся к тому, что люди, состоящие или не состоящие в браке и живущие активной сексуальной жизнью, сознательно принимают все возможные меры, чтобы избежать зачатия и рождения детей [5]. При этом свобода от детей возводится в статус более важного приоритета, чем продолжение человеческого рода.

В контексте данного демографического течения, уже давно получившего конкретное воплощение в социуме, на самый высокий пьедестал возводятся ценности, связанные с личностным развитием, творчеством, карьерой, потреблением, наслаждением жизнью и т.п., а деторождение рассматривается как фактор, ставящий крест на этих направлениях деятельности или серьезно осложняющий их реализацию. Поэтому табу на рождение детей носит не случайный, а целенаправленный характер, если так можно выразиться, представляет собой главный вектор бытия.

Отношение к чайлдфри может быть различным. В конце концов каждый человек вправе сам определять, что ему нужно в жизни больше всего. Это, несомненно, так. Если бы не одно обстоятельство. Оно сводится к тому, что если самоубийца просто сводит счеты со своей собственной жизнью, то это его право. А вот если самоубийца начинает активно транслировать свою идею в общество, то есть искать попутчиков на тот свет, убеждать других людей, особенно детей и молодежь, в целесообразности скорого самоубийства и т.д., то это уже нечто другое. Тем более достаточно часто гуру подобного рода сами не желают уходить из жизни, убедив в надобности подобного действия других.

Чайлдфри как своеобразная разновидность демографического самоубийства вполне не только может быть использована, но и, конечно, активно используется для формирования определенного общественного мнения, достижения интересов глобальных элит, открыто полагающих, что рождение детей, ниспосланное человеческому роду, должно носить избирательный характер и быть исключительным правом «золотого миллиарда». И в этой связи чайлдфри как демографический пустоцвет вполне серьезно рассматривается как особое оружие против идейных врагов, не желающих исповедовать ценности подобного рода. Его применение позволяет постепенно взломать генетический код любого народа, сопряженный с важностью выполнения репродуктивной функции, когда радость отцовства и материнства сознательно подменяется другими компонентами, разрушающими исторические традиции.

Свободная смена пола, сознательно культивируемый «позитивный» образ трансгендеров и гендерной толерантности являются вполне логичным дополнением идеологии чайлдфри. По существу, можно заняться выполнением репродуктивной функции на той стороне половой принадлежности, которую определил Бог. А можно попытаться искусственно выбраться из этого положения. Одним из возможных вариантов как раз выступает смена пола [6]. При этом достаточно очевидно, что если мужчина хочет стать женщиной, а женщина мужчиной, то это требует достаточно серьезной гормональной терапии и хирургического вмешательства, без которого смена пола носит формальный характер. В результате подобного вмешательства

в свой организм большинство людей уже не в состоянии заниматься деторождением естественным путем, что также приводит к исходу, похожему на чайлдфри.

Зачастую разрекламированный образ трансгендера целенаправленно используется для активного социального поощрения, продвижения по служебной лестнице, обязательного награждения в конкурсах и соревнованиях различного рода и т.п. Иными словами, создается положительный образ трансгендера, которому сопутствует успех. Параллельно средства массовой пропаганды в лучших традициях «цивилизованного» Запада настойчиво и даже навязчиво доносят до широких слоев населения, включая и детей, принципы гендерной толерантности, которая сводится к тому, что каждый в плане гендерной принадлежности с малых лет может быть тем, кем захочет, и это не просто хорошо, это прекрасно, так как, кроме всего прочего, еще и делает более сдержанными возможные демографические аппетиты граждан в сфере продления человеческого рода.

В дополнение к инструментам подобного рода проводится масштабная трансграничная работа по разрушению имиджа и устоев традиционной семьи. Она осуществляется по нескольким направлениям. Прежде всего упор делается на массовую пропаганду того, что традиционная семья, включающая мужчину, женщину и детей, давно устарела и является рудиментом прошлого. В этой связи на передний план умышленно выставляются принципы и «ценности» ЛГБТ-сообщества, среди которых транслируются и однополые браки, и другие нетрадиционные варианты сожительства, не характерные для конкретной страны [7]. При этом допускается возможность для однополых «супругов» воспитывать детей, которые попадают в среду, не имеющую ничего общего с традиционными семейными ценностями и выполнением репродуктивной функции.

Большая беда подобной деятельности заключается даже не в том, что ЛГБТ-сообщество есть, а в том, что оно громко и активно заявляет миру о своем существовании. Посредством информационного воздействия на умы подрастающих поколений осуществляется навязывание сомнительных ценностей, которые возводятся в ранг истины в последней инстанции. Семейные, сексуальные, репродуктивные и иные воззрения меньшинства общества предлагаются большинству во все более агрессивной форме, не допускающей сомнений или дискуссий. При этом подобное пропагандистское оружие, искажающее и уродующее психику и мораль детей и подростков, создает предпосылки для последующего быстрого демонтажа любых традиционных семейных ценностей, разрушения исторического менталитета целых поколений.

Дополнительным и своеобразным рычагом демографического влияния на подрастающее поколение служит сознательное и последовательное нивелирование с последующим полным разрушением статусов и ролей родителей [8]. На Западе все более и более популярной становится такая трактовка семьи, где нет отца и матери, а есть родитель № 1 и родитель №2. Такое нововведение носит далеко не случайный характер и призвано с самого раннего детства сформировать сознание ребенка таким образом и в той области, где нет даже духа тех традиций, которые имели место в прошлом.

На первый взгляд может показаться, что в подобной трансформации нет ничего необычного, а тем более опасного для подрастающих поколений. На самом деле необходимо отчетливо понимать, что это умышленная перекодировка сознания, подготовка к тому, что родители могут быть одного пола, они могут быть трансгендерами и вообще кем угодно. Не менее важным является и тот момент, что в данном случае осуществляется продуманный ментальный разлом, так как супруги, забывшие свои семейные статусы и роли, скорее всего, могут вырастить и воспитать кого угодно, но только не приверженцев традиционного брака, ориентированных на естественное продолжение человеческого рода. При этом

идеология подобного порядка признается высшей «ценностью» бытия, а подрастающие поколения осознанно вовлекаются в ее сети, выбраться откуда достаточно сложно, а порой и вообще невозможно, особенно когда целенаправленное информационное воздействие носило долговременный характер.

Не менее активным и безапелляционным образом распространяется идея безграничного полового (точнее гендерного) равенства членов общества. Ее суть сводится к вполне понятному и разумному исходному тезису о полном равенстве мужчин и женщин. При этом стремление к половому равноправию имеет достаточно длинную историю. Правда, несмотря на это обстоятельство, до сих пор сохраняются определенные рудименты, связанные с тем, что мужчины в среднем имеют более высокую заработную плату и занимают более обширные и прочные позиции на вершинах бизнеса и политической власти. Однако в ходе практической дискуссии, насколько мужчины и женщины равноправны в современном обществе, как черт из табакерки опять же выскакивает множество гендеров и гендерных позиций [9]. Обществу настойчиво навязывается гендерное многообразие с трактовкой взглядов сексуальных меньшинств как самой верной и неопровержимой позиции.

По этому поводу можно сказать, что мужчины и женщины, несомненно, равны и равноправны. Но нельзя забывать и того, что Бог создал их не совсем одинаковыми. Репродуктивную функцию, связанную с рождением детей, могут выполнять только женщины. Кроме того, есть целый ряд видов занятости, где их появление, скажем осторожно, не совсем целесообразно, например, угольные шахты, цеха металлургических комбинатов и т.п., так как там требуется большая физическая сила. Поэтому активное вовлечение женщин в те или иные сферы занятости необходимо делать с учетом фактической надобности, а не следуя моде или непонятым социальным трендам. Аналогично ситуация обстоит и с нетрадиционными гендерами. Если все равны, то к чему такое возвышение лиц, сменивших пол или своеобразно трактующих свою половую принадлежность. Получается, что в условиях подлинного равенства пропаганда гендеров и гендерных ролей должна носить одинаковый характер, учитывающий интересы всех членов общества, в том числе и натуралов, а также лиц, исповедующих традиционные семейные ценности, которые сегодня во многих странах Запада оказались в положении чужеродных элементов, не согласных с официально проводимой социально-демографической политикой.

Одним из самых распространенных и наиболее эффективных инструментов современного демографического оружия ментальных войн, безусловно, выступает всеобъемлющая, трансграничная и активно поощряемая миграционная экспансия. В настоящее время вольно или невольно, осознанно или неосознанно, но миграция все чаще и чаще используется в качестве тарана исторически сложившегося менталитета [10].

На практике миграция представляет собой демографическое «наводнение». Вновь прибывающие работники, часть из которых впоследствии становятся гражданами «затопаемой» страны, по большей части принадлежат к иному этносу, исповедуют иную религию, которые проступают в качественно иных культурных ценностях, иных обычаях и традициях. Они по определению не «растворяются» в коренном этносе, не признают сложившиеся исторически устои, а самое главное – не желают знать язык и культуру коренных жителей, полагая, что они вполне могут жить так, как хотят. В результате осуществляется так называемая демографическая экспансия. Пришлые граждане и неграждане, часть из которых вообще пребывает на новых территориях нелегально, создают свои анклавные территории с новыми и непререкаемыми правилами поведения. Причем, имея более высокий уровень рождаемости, с течением времени представители некоренного этноса вытесняют местных жителей не только демографически, но и экономически, и политически, занимая доминирующие позиции в самых разнообразных сферах общественной жизнедеятельности.

В совокупности миграция все чаще и чаще предстает в формате демографического рычага, который позволяет «сковырнуть», а затем и отправить на дно исторически сложившиеся ментальные установки коренного населения, которое постепенно замещается на исконных территориях своего проживания, оставаясь там в меньшинстве, уже не позволяющем транслировать в будущее прежние ценности [11].

Как это странно ни звучит, но особым демографическим оружием ментальных войн выступает формирование и широкое практическое распространение правовой базы, позволяющей легально и открыто осуществлять демографический беспредел. Причем эта разновидность инструментов подобного рода является обоюдоострым лезвием внутреннего и внешнего пользования.

На внутренней арене в странах Запада встречаются следующие достаточно спорные и дискуссионные элементы законодательства [12], отражающиеся на формировании демографического мировоззрения членов общества:

- правовые преференции представителям течения чайлдфри;
- облегченная возможность смены пола или самостоятельного выбора гендерной принадлежности для лиц, не достигших совершеннолетия, включая детей;
- пристальная и первоочередная охрана исключительных прав трансгендеров, других представителей ЛГБТ-сообщества с жестким накатом на традиционные семейные ценности вплоть до отчуждения детей;
- активное вмешательство государства в воспитательный процесс подрастающих поколений, особенно в тех областях права, где регламентируются роли и статусы родителей;
- серьезное юридическое обеспечение практически не контролируемых миграционных потоков, исключительное соблюдение прав мигрантов, когда мнение коренного населения как главных налогоплательщиков не имеет никакого значения, и др. [13].

На внешней арене образчики подобных «прокаченных» законов активно транслируются в окружающий мир. При этом страны Запада ничуть не стесняются высокомерно заявлять всем остальным, что если желаете быть с нами в одной компании, то необходимо четко следовать заданным юридическим трендам и даже можно быть еще более «продвинутыми» в смысле отказа от традиционных семейных ценностей. Кто же не хочет двигаться в столь сомнительном направлении, тот не достоин внимания и контактов во всех без исключения сферах жизнедеятельности, а достоин тотального порицания и санкций.

Таким образом, в настоящее время активное и целенаправленное распространение демографических установок, ориентированных на противостояние, а затем трансформацию и слом исторически сложившихся культурных и семейных ценностей потенциального или фактического противника, рассматривается странами Запада как своеобразное оружие, составной элемент ментальных войн [14], которые должны способствовать демонтажу того или иного мировоззрения и его замене на иные, «правильные» ценности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Черепанов А. Ю. Гибридные войны: реалии современной эпохи // Евразийский юридический журнал. 2022. № 4(167). С. 517–519. EDN: UNJMT
2. Артюх М. А. Ментальная война: к вопросу о содержании современного глобального противоборства // Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации. Сборник материалов круглого стола. М., 2021. С. 61–71. EDN: AWWRDH
3. Рябова Т. Б. «Демографическое оружие Запада»: дискуссии о гендерных исследованиях в российском антизападничестве // Политика развития, государство и мировой порядок.

Материалы 8-го Всероссийского конгресса политологов / Под общей редакцией О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунуова, Л. Н. Тимофеевой. 2018. 467 с. EDN: YYCBSX

4. Клейберг Ю. А. Толерантность и деструктивная толерантность: понятие, подходы, типология, характеристика // Общество и право. 2012. № 4. С. 329–334. EDN: PYTTTN

5. Романова И. В., Жанбаз О. О. Чайдлфри в контексте трансформации семейных отношений // Вестник Забайкальского государственного университета. 2014. № 12(115). С. 89–97. EDN: UQFWHJ

6. Алферова О. С. Смена пола человека: семейно-правовой аспект // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 1. С. 245–249. DOI: 10.24412/1608-8794-2021-1-245-249. EDN: LTWRLB

7. Купараишвили М. Д., Ветрова-Деглан М. С. Гендер и трансгендер в проблеме пола // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 10-2. С. 77–81. EDN: ZHAUON

8. Денисенко Н. В. Смена пола: религиозные и правовые аспекты // Церковь, государство и общество: политико-правовые и идеологические аспекты взаимодействия: материалы международной научно-практической конференции / Научные редакторы: И. А. Арзуманов, С. А. Комаров, А. Е. Смирнов. 2020. С. 381–387. DOI: 10.25839/k4091-4788-0724-s. EDN: IAIPB

9. Булычев И. И. Гендерная структура как теоретическая проблема // Credo New. 2008. № 1. С. 7. EDN: PGOQIZ

10. Ткачева Н. А. Миграционная безопасность как фактор предупреждения социальных конфликтов // Академический вестник. 2009. № 3(9). С. 94–100. EDN: PEMVVL

11. Патрикеев В. Е. Миграционная безопасность как необходимый элемент национальной безопасности России // Права человека и правоохранительная деятельность: материалы региональной научно-практической конференции памяти профессора А. В. Зиновьева. 2015. С. 180–186. EDN: UWNQLR

12. Отставнова Е. А. Вопросы смены пола в международном праве и российском законодательстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 3(116). С. 50–55. EDN: ZBPVHF

13. Шамне А. Н. Правовые и моральные проблемы миграции в Германии // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 3(134). С. 65–68. DOI: 10.24411/2227-7315-2020-10069. EDN: ULIBAL

14. Салихов Г. Г., Рассказов Л. Д. Ментальная война в условиях глобализации: философский анализ кризисных процессов общества // Евразийский юридический журнал. 2021. № 6(157). С. 518–519. DOI: 10.46320/2073-4506-2021-6-157-518-519. EDN: IEEKFW

REFERENCES

1. Cherepanov A.Yu. Hybrid wars: realities of the modern era. *Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal* [Eurasian Law Journal]. 2022. No. 4(167). Pp. 517–519. EDN: UHJMFT. (In Russian)

2. Artyukh M.A. Mental war: on the contents of modern global confrontation. *Prognoziruyemye vyzovy i ugrozy natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii i napravleniya ikh neytralizatsii* [Predicted Challenges and Threats to National Security of the Russian Federation and Directions for Their Neutralization]: *Sbornik materialov kruglogo stola*. Moscow, 2021. Pp. 61–71. EDN: AWWRDH. (In Russian)

3. Ryabova T.B. “The demographic weapon of the West”: discussions on gender studies in russian anti-westernism. *Politika razvitiya, gosudarstvo i mirovoy poryadok* [Development Policy, State and World Order]: *materialy 8-go Vserossiyskogo kongressa politologov*. Generally edited by O.V. Gaman-Golutvina, L.V. Smorgunov, L.N. Timofeeva. 2018. 467 p. (In Russian)

4. Kleiberg Yu.A. Tolerance and destructive tolerance: concept, approaches, typology, characteristics. *Obshchestvo i pravo* [Society and Law]. 2012. No. 4. Pp. 329–334. EDN: PYTTTN. (In Russian)
5. Romanova I.V., Zhanbaz O.O. Childfree in the context of transformation of family relations. *Vestnik Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Transbaikal State University]. 2014. No. 12(115). Pp. 89–97. EDN: UQFWHJ. (In Russian)
6. Alferova O.S. Human gender reassignment: family and legal aspect. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'* [Legal Policy and Legal Life]. 2021. No. 1. Pp. 245–249. DOI: 10.24412/1608-8794-2021-1-245-249. EDN: LTWRLB. (In Russian)
7. Kuparashvili M.D., Vetrova-Deglan M.S. Gender and transgender in the problem of sex. *Istoricheskiye, filosofskiy, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice]. 2017. No. 10-2. Pp. 77–81. EDN: ZHAUON. (In Russian)
8. Denisenko N.V. Gender change: religious and legal aspects. *Tserkov', gosudarstvo i obshchestvo: politiko-pravovyye i ideologicheskiye aspekty vzaimodeystviya* [Church, state and society: political, legal and ideological aspects of interaction]: *Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Scientific editors: I.A. Arzumanov, S.A. Komarov, A.E. Smirnov. 2020. Pp. 381–387. DOI: 10.25839/k4091-4788-0724-s. EDN: IAIPB. (In Russian)
9. Bulychiev I.I. Gender structure as a theoretical problem. *Credo New*. 2008. No. 1. P. 7. EDN: PGOQIZ
10. Tkacheva N.A. Migration security as a factor in preventing social conflicts. *Akademicheskii vestnik* [Academic Bulletin]. 2009. No. 3(9). Pp. 94–100. EDN: PEMVVL. (In Russian)
11. Patrikeev V.E. Migration security as a necessary element of Russia's national security. *Prava cheloveka i pravookhranitel'naya deyatel'nost'* [Human rights and law enforcement]: *materialy regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii pamyati professora A.V. Zinov'yeva*. 2015. Pp. 180–186. EDN: UWNQLR. (In Russian)
12. Otstavnova E.A. Gender reassignment issues in international law and Russian legislation. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii* [Bulletin of the Saratov State Law Academy]. 2017. No. 3(116). Pp. 50–55. EDN: ZBPVHF. (In Russian)
13. Shamne A.N. Legal and moral problems of migration in Germany. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii* [Bulletin of the Saratov State Law Academy]. 2020. No. 3(134). Pp. 65–68. DOI: 10.24411/2227-7315-2020-10069. EDN: ULIBAL. (In Russian)
14. Salikhov G.G., Rasskazov L.D. Mental War in the context of globalization: a philosophical analysis of crisis processes in society. *Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal* [Eurasian Law Journal]. 2021. No. 6(157). Pp. 518–519. DOI: 10.46320/2073-4506-2021-6-157-518-519. EDN: IEEKFW. (In Russian)

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Финансирование. Исследование проведено без спонсорской поддержки.

Funding. The study was performed with no external funding.

Информация об авторах

Карманов Михаил Владимирович, д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры статистики, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова;

115054, Россия, Москва, Стремянный переулок, 36;

Karmanov.MV@rea.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2643-2146>, SPIN-код: 9452-2999

Киселева Ирина Анатольевна, д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры прикладной математики, Университет «Синергия»;

129090, Россия, Москва, ул. Мещанская, 9/14, стр. 1;

профессор кафедры математических методов в экономике, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова;

115054, Россия, Москва, Стремянный переулок, 36;

Kia1962@list.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8862-2610>, SPIN-код: 4980-7263

Кузнецов Владимир Иванович, д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры статистики, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова;

115054, Россия, Москва, Стремянный переулок, 36;

Kuznetsov.VI@rea.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7192-1630>, SPIN-код: 9328-2911

Трамова Азиза Мухамадияевна, д-р экон. наук, доцент, профессор кафедры прикладной математики, Университет «Синергия»;

129090, Россия, Москва, ул. Мещанская, 9/14, стр. 1;

профессор кафедры информатики, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова;

115054, Россия, Москва, Стремянный переулок, 36;

Tramova.am@rea.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4089-6580>, SPIN-код: 8583-3592

Information about the authors

Mikhail V. Karmanov, Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Statistics, Plekhanov Russian University of Economics;

115054, Russia, Moscow, 36 Stremyanny lane;

Karmanov.MV@rea.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2643-2146>, SPIN-code: 9452-2999

Irina A. Kiseleva, Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Applied Mathematics, Synergy University;

129090, Russia, Moscow, 9/14, building 1, Meshchanskaya street;

Professor of the Department of Mathematical Methods in Economics, Plekhanov Russian University of Economics;

115054, Russia, Moscow, 36 Stremyanny lane;

Kia1962@list.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8862-2610>, SPIN-code: 4980-7263

Vladimir I. Kuznetsov, Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Statistics, Plekhanov Russian University of Economics;

115054, Russia, Moscow, 36 Stremyanny lane;

Kuznetsov.VI@rea.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7192-1630>, SPIN-code: 9328-2911

Aziza M. Tramova, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Applied Mathematics, Synergy University;

129090, Russia, Moscow, 9/14, building 1, Meshchanskaya street;

Professor of the Department of Informatics of the Plekhanov Russian University of Economics;

115054, Russia, Moscow, 36 Stremyanny lane;

Tramova.am@rea.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4089-6580>, SPIN-code: 8583-3592